

«Москва» ~ пятьдесят лет!

ЛЕОНИД БОРОДИН

ПРЕОДОЛЕВАЯ СМУТУ

Каких только мрачных предсказаний не выслушали и не вычитали мы за последние полтора десятка лет в адрес русской литературы вообще и «толстых» литературных журналов — в частности!

Скорее всего на уровне подсознания то был побочный продукт общего социального пессимизма: ставился крест на исторической России, обреченной на утрату способности далее и навсегда играть не решающую, но даже сколько-нибудь заметную роль в расстановке мировых сил на исторической сцене.

Что и говорить, основания для подобного пессимизма были, ибо яма, в которую рухнула Восточная держава, казалась воистину бездонной, ощущение падения-провала заставляло трепетать сердца...

Только трепет был разного окраса.

Многие из радостно трепетавших ныне озлобились до неприличия и всеми доступными им способами пытаются выскочить-вырваться из рамок маргинальности, где оказались по причине, мягко скажем, неумного упрямства.

Иные и поныне злобствуют и смердят по всякому удобному поводу — благо поводов к тому, к сожалению, еще предостаточно. Воистину судорожно наше возрождение: не сформулированы и не озвучены цели настолько, чтобы без колебаний руководствоваться ими; не определены средства, что испокон веков теснейше увязаны с целями и намерениями; новое качество, в котором возрождается (и наша надежда в том все более близка к уверенности) Русское государство, требует от граждан четкого и определенного выбора поведенческого императива, что нелегко, поскольку не счесть режущих глаз изъянов да и просто откровенных безобразий в сложной, неоднозначной повседневности.

Наконец, самое ближайшее будущее наше, как и ранее случалось, поставленное в прямую зависимость от непредсказуемого расклада политических сил, не дает повода для оптимизма настолько, чтобы не спотыкаться в сомнениях и не напрягаться в безуспешных попытках просчитать личные и общественные перспективы в уже, казалось бы, умопостижаемой реальности.

Вот в такой обстановке, что напоминает туманный хвост издыхающей, надеемся, смуты, крохотный форпост русской государственности журнал «МОСКВА» отмечает пятидесятилетие своего существования.

Сама по себе круглая дата — достаточный повод для того, чтобы сослаться скромное, то есть по средствам, чествование юбиляра — хотя бы потому, что выжили, что в эпоху сомнительных компромиссов «в порочащих связях замечены не были», если бедствовали, то без воплей о том, если вдруг находился некто, протягивающий руку скромной помощи, то

этот некто был и остается в несуществующем списке тех, кого когда-нибудь назовут (а может быть, и не назовут) героями Русского Возрождения.

И, наконец, главное.

В эпоху бешенства смуты, в эпоху авантюризма, бесстыдства и бесчестия, в эпоху торжества антигосударственных эмоций, настроений и безответственного горлопанства коллектив редакции журнала «МОСКВА» во главе с тогдашним ее главным редактором Владимиром Николаевичем КРУПИННЫМ, вступая в прямой конфликт с конъюнктурой времени, сформулировал позицию журнала, каковая если и сегодня конфликтует, то исключительно с маргинальными политическими кланами или с откровенной «пятой колонной», то есть со всеми теми, кому возрождение государства в полноте всех ему присущих функций отвратно по причинам, о которых здесь и говорить неуместно.

Суть избранной позиции была проста: памятуя о русском историческом опыте, бессмысленно, порочно, если не преступно во время смуты «делать ставку» на самозванцев-честолюбцев, на тех или иных «полевых командиров смуты», на шустро сколоченные партии с невнятными программами и уж тем более на лозунги, коими столь щедро была эпоха начала девяностых годов.

ГОСУДАРСТВО как единственный способ самоорганизации народа и ПРАВОСЛАВИЕ, пусть хотя бы как система незыблемых нравственных основ, — вот те базовые ценности, без которых не восстановиться России, если ей еще суждено восстановиться.

Нет, не поспешили воцерковленные люди подписываться на журнал после этого нашего «самоопределения», и значительная часть уже не марксистов, но еще атеистов от подписки воздержалась. А когда мы заявили, что не побежим вдогонку прогрессу и не намерены публиковать на страницах журнала всякого рода похабень, что не собираемся ревизовать и модернизировать русский литературный язык в угоду тем, кто задарма полученную свободу слова понял как свободу сквернословия, — тогда вот на какое-то время усохла авторская тропинка к нашей редакции.

Зато нынче, когда рукописями «полным-полна коробочка»;

когда через раз приходится извиняться перед авторами за то, что вдвое сокращенный состав редакции не успевает прочитывать полученные материалы в установленные сроки;

когда языком **наших** публицистов девяностых годов заговорили те, кто, упражняясь в свободомыслии, в те же годы «пороли чушь несусветную» и соревновались друг с другом по затаптыванию русских исторических и культурных традиций;

когда второй наш журнал — «Благодатный Огонь» — признан лучшим среди прочих православных журналов;

когда издаваемые нами тексты забытых русских мыслителей сделали нашу «Книжную лавку» известной всем, кто неравнодушен к судьбам России;

когда через нашу редакцию вышли в литературный мир и прочно утвердились в нем десятки молодых и не очень писателей — нынче мы уверены в том, что наше «малое дело» органично вписывается в очевидную тенденцию, еще оспариваемую, порою весьма злобно поносимую и в то же время справедливо критикуемую за непоследовательность и противоречивость, но повторимся — в очевидную тенденцию возрождения России наше дело вписывается органично.

Всех сотрудников нашего немногочисленного коллектива поздравляю с юбилеем журнала и благодарю за терпение, благожелательность и активную заинтересованность в продолжении дела скромного, но по-прежнему востребуемого.

КАМЕРТОН

ВАЛЕНТИН СОКОЛОВ
(1927–1982)

ЧЕРЕЗ ТЮРЬМЫ, ЧЕРЕЗ МРАК И СМЕРТЬ

* * *

В жизни лагерной, в жизни застойной,
Под суровым арктическим небом
Никогда не бывал я спокойным,
Никогда не взволнованным не был.

И в слова, в золотые монеты
Самой тонкой узорной чеканки,
Переплавилось сердце поэта
И разбилось в словесные склянки.

Я скопил эти золота тонны,
Чтоб была по мне память богата,
И к округлому телу колонны
Я прибил эту ветошь бушлата.

Чтобы видел родной городишко
В день весенний, в базарную людность,
Где, кому окрыленную юность
Подарил сероглазый мальчишка;

Чтобы та кареоякая Рита,
Как и прежде, безумно влюбленной,
На безмолвных, на каменных плитах
По ночам обнимала колонну.

1952